

Володина Н.В. КОНЦЕПТЫ, УНИВЕРСАЛИИ, СТЕРЕОТИПЫ В СФЕРЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. М.: Флинта; Наука, 2010. 256 с.

В современном литературоведческом контексте однозначно преобладает тенденция, связанная с поиском и систематизацией неких общекультурных констант. Монография Н.В.Володиной «Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения» реализует собой в полной мере данную тенденцию, представляя цикл статей историко-литературного и культурологического характера, объединенных по принципу общего концептуального источника, которым в данном случае является ряд: концепт — универсалия — стереотип.

Закономерно, что данное издание открывается пространной главой, посвященной проблеме определения сути и границ заявленных научных понятий, спроецированных на систему литературоведческих координат. Рассматривая константы как родовые, а концепты, универсалии и стереотипы — как видовые, автор работы поддерживает идею М. Эпштейна о возможности разработки методологии концептивизма, т.е. конструктивной деятельности мышления в области концептов и универсалий. При этом совершенно понятна необходимость обоснования данной методологии в рамках современного литературоведения как разновидности научного дискурса. Анализируя различные определения концепта, предложенные в рамках психологического, культурологического, философского научных дискурсов, автор предлагает в качестве рабочего определения концепта как литературоведческой категории следующую формулировку: «Концепт — это смысловая структура, воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда... обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» (с. 19). Важно, что заявленное понятие четко коррелирует с системой таких устоявшихся в литературоведении категорий, как художественный мир, тип, образ персонажа и т.д. Более сложной для автора видится проблема соотношения концепта и универсалии в проекции опять-таки на литературоведческую систему координат. Декларируя универсалии как некий аналог вечных, архетипических образов и мотивов, автор обращается к понятию стереотипа как своего рода топосу, клише, общему месту, занимающему определенное место в ряду ментальных категорий, присутствующих в литературном процессе, и ограниченному, в отличие от концепта и универсалии, одним значением. Заявленная сложная система понятий, граница между которыми нередко оказывается подвижной, предполагает широкий охват изучения материала как внутри литературы, так и в общественном сознании и шире — в культуре в целом.

Основная часть монографии, представляющая собой цикл статей, объединенных общим концептуальным подходом к отдельным интересующим автора вопросам историко-литературного и культурного процесса, открывается анализом феномена критики Н.А. Добролюбова с точки зрения реализации в нем концепта национальной культуры. В частности, наибольшую известность, по справедливому утверждению автора, получили такие созданные критиком художественные концепты, как «темное царство» и «обломовщина», изучению функционирования и экстраполирования которых и посвящена первая статья исследования. Для понимания категории концепта крайне важным, на наш взгляд, оказывается утверждение о том, что в моменте формирования конкретных, крайне укорененных в русском национальном сознании культурных концептов могут соединяться художественный и критический дискурсы.

«В меняющейся картине мира есть моменты парадоксальных типологических сближений абсолютно далеких друг от друга исторических и культурных ситуаций. Их общность... закреплена словом» (с. 49). Одним из таких слов, вернее словосочетаний, является номинация «новые люди», характеристике функционирования которого как концепта и посвящена следующая статья монографии. Охват изучаемого материала значителен — от «Повести временных лет» до романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» через систему координат XIX и начала XX вв. Такой масштаб диахронии позволил автору представить практически все нюансы бытования названного концепта, причем не только в его художественном варианте, но и вполне конкретно-личностном. Анализ соотношения стереотипизированного в сознании современников образа Добролюбова как «нового человека» и как «героя» его собственных дневниковых записей позволил автору исследования прийти к интереснейшим выводам о том, что Добролюбов переживал определенные моменты внутренней борьбы, рефлексии в процессе борьбы за соответствие общественному стереотипу «нового человека». От критика XIX в. через образы «новых людей» в литературе начала XX в. к понятию «новые русские» и культуре постмодернизма — такова логика рассуждений и изысканий автора.

В центре внимания следующего мини-исследования — анализ процесса перехода в русском культурном пространстве отчетливо этноспецифического концепта «купец» в аналоговый стереотип, вплоть до осознания его как литературного штампа. Своего рода точкой отсчета крайне интересных наблюдений и рассуждений можно считать заявление о том, что «сам род занятий купечества — торговля — вызывал у русского общества (у разных его слоев) скептическое, слегка презрительное отношение» (с. 83). Подобное отношение к торгово-предпринимательской деятельности в контексте художественной концептосферы увязывается и с неслучайностью отсутствия в русской литературе жанра «буржуазного романа». Образы купечества русской литературы (особенно в творчестве А.Н. Островского) в их проекции на русскую ментальность сохраняют постоянным и неизменным (вплоть до сегодняшнего дня) свое семантическое ядро, а также ассоциативное поле, с ним связанное, что и позволяет утверждать о специфических когнитивных стереотипах нации в отношении к купечеству.

Столь же сложным наполнением характеризуется русский концепт «закон». По справедливому утверждению автора, противопоставление закона юридического и нравственного является отличительной особенностью русского национального менталитета и литературы. Как в русской литературе не доверяют купечеству, так же проявляется в ней осторожность и враждебность по отношению к юридическим законам.

В статье «Русская женщина на rendez-vous и гендерные стереотипы» ставится так называемый «женский вопрос» русской литературы. От мужской по преимуществу литературы Древней Руси к утверждению руководящей по отношению к мужчине роли женщины в русской литературе XIX в. — таков вектор размышлений автора. Своего рода вехами на путях бытования этого гендерного по своей природе художественного концепта становятся образы и пушкинской Татьяны Лариной, и лермонтовской княжны Мери, и женские типы из критики Писарева, и «тургеневские женщины», и героини Достоевского и Гончарова. Главный вывод таков — «русская женщина была внутренне свободна». В этом утверждении заключен момент разрушения основного гендерного стереотипа русской ментальности.

Особое место в числе устойчивых этических констант русской литературы, литературной критики и публицистики занимает концепт «эгоизм». Данная категория в ее развитии в русском литературном процессе от концепта к универсалии подвергается серьезному и всестороннему изучению в отдельной статье монографии как, в первую очередь, междисциплинарное понятие. Сложность же в обращении к данному феномену заключается, по мысли автора, в том, что русская литература исследовала его и как простое чувство, которым человек руководствовался в своей повседневной жизни, и как сложное и многозначное по природе качество личности. Рефлексия русских писателей на тему эгоизма во второй версии и позволила автору вычленить его как ментальную константу русской культуры.

Следующие несколько статей монографии представляют собой определенное тематическое единство, так как в них анализируются разновидности бытования в русской литературе так называемого концепта «русский европеец». Объектом исследования в аспекте избранной темы становятся творчество И.С. Тургенева, «Парижские письма» П.В. Анненкова, публицистика К.Н. Леонтьева (изучаемый концепт репрезентируется в формулировке «средний европеец»), а также произведение документальной прозы Б.К. Зайцева «Дни». В качестве семантического ядра данного концепта автором видится осмысленные русской литературой дихотомии Россия – Запад.

Последняя статья монографии посвящена анализу рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» с точки зрения реализации в нем стереотипа еврея. Таким образом, логика автора издания ясна – сначала представить теоретическую концептуальную базу для литературоведческого анализа, проследить, как работают конкретные понятийные срезы – концепт, универсалия, стереотип – в ди-ахроническом аспекте, затем постепенно перейти к синхронной версии анализа, вплоть до пристального прочтения конкретного текста с точки зрения реализации в нем заявленной категории.

С.М. Калашникова

ГЕНДЕРНАЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА-КОГНИТОЛОГА

(*Хачмафова З.Р.* Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков) : монография. Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 290 с.)

В современном мире, столь решительно движущемся в направлении принципиальной глобализации и унификации, стереотипизации межличностных отношений, по-прежнему неотменимыми остаются два аксиоматических положения: ни один человек на земле не свободен от принадлежности к полу и ни один не может рассматривать себя вне отнесенности к нации (читай: национальной истории, культуре, языку). В формулировке заглавия книги З.Р. Хачмафовой заявлены оба эти параметра, что уже обещает интересное чтение любому, кто хотел бы углубиться в обозначенную проблематику.

Круг научных тем, связанных со спецификой речевого воплощения гендерно-определенной языковой личности, находится сегодня в ряду наиболее востребованных сразу по нескольким причинам. Среди них назовем далеко не новое, но до сих пор не удовлетворенное требование мирового социума к